

СЛИШКОМ ХОРОШАЯ ИСТОРИЯ

Конюшенко Егор

Егор Конюшенко

Слишком Хорошая История

<https://litres.ru/74296103>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мистер Харрисон Клей — образцовый клерк, свято верящий в то, что литература должна быть такой же предсказуемой, как бухгалтерский баланс. Поэтому, прочитав рукопись своей знакомой с её наивным рассказом о честном бедняке, нашедшем чемодан с деньгами и получившем за это награду, он счёл сюжет неправдоподобной глупостью. Но мир решает подшутить над циником: на следующее утро Харрисон сам находит чемодан с огромной суммой. Но что происходит, когда «слишком хорошая история» становится реальностью?

Содержание

I	4
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Егор Конюшенко

Слишком Хорошая История

I

Мистер Харрисон Клей обладал той степенью незаметности, которая позволяет человеку прослужить в конторе «Дж. Принс и Ко, галантерея оптом» одиннадцать лет, ни разу не получив повышения, но и ни разу не нарвавшись на увольнение. Его пробор был безупречно прям, его галстук был безупречно сер, а его мечты — если таковые и водились в глубине его души — были заперты на ключ где-то между ящиком с картотекой и вечно заедающей пишущей машинкой. Он свято верил в две вещи: в то, что оптовые цены на пуговицы — это фундамент цивилизации, и в то, что литература должна быть столь же аккуратно подшита и предсказуема, как бухгалтерский баланс.

Именно поэтому, когда в дверях его крошечной съемной квартиры на Западной Девятнадцатой улице возникла мисс Эмили Уэллс, Харрисон испытал смешанное чувство. Он был рад видеть свою давнюю знакомую, чьи глаза горели тем лихорадочным огнём, какой бывает только у изобретателей вечного двигателя и начинающих литераторов. Но он также испытывал лёгкую тревогу, ибо каждая встреча с Эмили су-

лила ему очередную пухлую тетрадь, перевязанную ленточкой. Ленточка всегда была голубой, что, по мнению Харрисона, уже говорило об опасном пренебрежении конторским шпагатом.

— Харрисон! — воскликнула она, едва переступив порог и чуть не сбив зонтиком его единственный кактус. — Это случилось! Я закончила. Я принесла вам свой лучший рассказ. Он называется «Слишком хорошая история».

Харрисон с вежливостью, граничащей с героизмом, принял из её рук несколько листков, исписанных бисерным почерком. Он усадил гостью в скрипучее кресло, предложил чай с бергамотом (который Эмили, увлеченная собственным замыслом, забыла выпить) и погрузился в чтение.

Это была история о некоем джентльмене без определённых занятий, который, прогуливаясь по Бродвею, находит на углу массивный кожаный чемодан. В чемодане, разумеется, оказывается хрустящая, тугая, великолепная наличность. Герой, разумеется, мучается недолго. Он находит владельца — миллионера с благородной сединой и дрожащими руками, — и, разумеется, возвращает всё до последнего цента. Миллионер, человек широкой души и тугого бумажника, немедленно предлагает честному бедняку место управляющего в своем деле и бонус в виде ренты на год вперёд.

Дочитав до аккуратно выведенного слова «Конец», Харрисон Клей поднял глаза. Эмили подалась вперёд, ожидая вердикта, как канарейка ожидает свежего семечка.

— Ну что? — спросила она. — Каков сюжет?

Внутренне Харрисон содрогнулся. Сюжет был пресен, как больничная овсянка. В нем не было ни сатиры, ни сюрприза, ни той искры жизненной нелепицы, которая, по слухам, и составляет суть настоящей литературы. Он был предсказуем от первой запятой до последней точки. Харрисон знал жизнь, или ему казалось, что знал; он знал, что настоящие миллионеры нанимают специальных людей, чтобы те теряли чемоданы, а потом подают на них в суд за рассеянность. Он знал, что честные бедняки обычно получают не ренту, а пинок под зад за то, что посмели притронуться к ручке чужого саквояжа.

Но Харрисон был джентльменом. Джентльмен не может сказать даме, что её литературный труд напоминает ему циркуль от фирмы по производству сахарной ваты — красиво, сладко и абсолютно пусто внутри.

— Дорогая мисс Уэлс, — произнес он, тщательно подбирая слова, словно застегивая их на все пуговицы своего жилета. — Это... это освежает. В наше циничное время так редко встретишь рассказ, где автор остается верен великой традиции счастливой развязки. Вы возвели предсказуемость в ранг добродетели. Читая, я словно бы вновь окунулся в детство, когда верил, что честность и чек на тысячу долларов идут рука об руку.

Эмили просияла. Она приняла его слова именно так, как того хотел Харрисон: не уловив ни капли скрытой горечи.

Она захлопала в ладоши и сообщила, что немедленно отнесет рукопись в «Домашний ежемесячник», где, по её сведениям, обожают жизнеутверждающие вещи.

Когда дверь за ней закрылась, Харрисон облегченно вздохнул и поправил галстук. Он был рад, что выполнил долг вежливости. Мир вернулся в свою колею, где чемоданы не валяются на мостовых, а если и валяются, то в них лежат старые ботинки, а не акции «Атлантической железной дороги».

Он не мог знать, подшивая вечернюю газету и готовясь отойти к своему одинокому сну, что колесо фортуны уже сделало оборот. Что мисс Эмили Уэллс, сама того не ведая, не написала рассказ, а напечатала на своей машинке маршрут его ближайшего будущего. И что методы мироздания иной раз куда предсказуемее, чем сюжеты дилетантов.

II

На следующее утро мир, вопреки всем законам здравого смысла, решил, что будет забавно превратиться в рассказ мисс Эмили Уэллс.

Харрисон Клей вышел из дому в восемь пятнадцать — с той же минуты, что и всегда, ибо привычка для него была единственной валютой, не подверженной инфляции. Его путь в контору лежал через Грейсон-парк — небольшой клин зелени, зажатый между двумя рядами прокопчённых зданий, где даже белки выглядели так, будто платят подоходный налог. Солнце пробивалось сквозь вязы жидким, водянистым светом, и Харрисон размышлял о предстоящем квартальном отчёте и о том, что пуговицы из перламутра в этом сезоне явно уступают роговым.

Он почти миновал скамейку с облупившейся зелёной краской, когда его взгляд зацепился за предмет, которого там быть не должно. На сиденье, прислонённый к подлокотнику с видом терпеливого пассажира, ожидающего трамвая, стоял чемодан.

Это был не просто чемодан. Это был чемодан-аристократ, патриций среди дорожных сумок. Тёмная кожа, благородная и мягкая, как перчатка епископа; медные замки, отполированные до блеска; ручка, обещавшая ладони комфорт, достойный отдельного патента. Харрисон остановился и огля-

делся. Аллея была пуста. Только воробей деловито расклёвывал булочную крошку, не выказывая к багажу ни малейшего интереса. Харрисон подождал минуту. Затем две. Затем, повинувшись импульсу, который он позже объяснил себе как заботу о сохранности чужого имущества, он осторожно приподнял крышку. Замки не были заперты — они щёлкнули с готовностью, словно только и ждали его прикосновения.

Внутри лежали деньги.

Не просто деньги. Это были деньги, которые, казалось, размножились в темноте, как кролики. Пачки банкнот, перетянутые узкими бумажными лентами, громоздились одна на другой с той же деловой аккуратностью, с какой Харрисон подшивал счета. Купюры достоинством в двадцать, пятьдесят, сто долларов — все новые, хрустящие, с тем особенным запахом типографской краски и скрытых возможностей, который не спутаешь ни с чем. Харрисон застыл. Его разум, привыкший к чётким бухгалтерским проводкам, лихорадочно заработал. Он быстро прикинул объём, толщину пачек, и получившаяся в уме сумма заставила его судорожно захлопнуть крышку. Это было состояние. Несколько годовых окладов скромного клерка, упакованных в саквояж и забытых на скамейке, словно зонтик.

И в этот самый момент тихий, вкрадчивый голос — тот самый, что читает нам лекции по морали, пока карманы пусты, — произнёс где-то в основании его черепа: «А ведь ты читал об этом вчера вечером, Харрисон. Слово в слово. Только та

история была глупой, помнишь?»

Вторая мысль — практичная, как конторский пресс-папье, — подсказала, что полицейский участок находится в трёх кварталах к северу, и если он поторопится, то успеет до начала службы. Харрисон Клей не был героем. Он был просто человеком, который слишком долго подшивал чужие счета, чтобы научиться тратить чужие деньги. Он подхватил чемодан — тот оказался приятно увесистым, полновесным, словно хороший аргумент — и быстрым шагом направился в сторону участка.

В участке, пропитанном запахом дешёвого табака и карболки, его встретил сержант с лицом, напоминавшим карту речных протоков — всё в красных прожилках и извилинах. Увидев содержимое чемодана, он присвистнул с тем особым выражением, какое бывает у людей, ежедневно имеющих дело с кражами белья и пьяными драками, и вдруг наткнувшихся на нечто, достойное газетной полосы.

— Ну и ну, — протянул он, перебирая пачки с почтительной нежностью. — Вы, мистер, либо святой, либо у вас нервный тик, который мешает вам вовремя сбежать. Это ж целое состояние. — Он сверился с биркой, прикреплённой к ручке чемодана, и лицо его приобрело оттенок уважения, смешанного с предвкушением. — А знаете, чей это чемодан? Джозефа Блэквуда. Того самого Блэквуда, что владеет тремя текстильными фабриками и, по слухам, таким количеством акций, что может влиять на погоду. Человек он, говорят, кру-

того нрава, но когда речь идёт о благодарности... — Сержант многозначительно подмигнул, и его веко, похожее на сморщенный лист, на мгновение прикрыло глаз. — Такие господа умеют ценить честность. Не удивлюсь, если он отвалит вам кругленькую сумму. Возможно, даже должность какую предложит, как в этих слезливых романах.

Харрисон слабо улыбнулся. В груди его, вопреки врождённому скепсису, затеплился крошечный, стыдливый огонёк надежды — той самой надежды, которую он высмеивал в рассказе Эмили всего двенадцать часов назад. Мироздание явно забавлялось.

Через полчаса за ним прислали кэб, чтобы доставить к фабриканту. Контора Блэквуда находилась в здании, которое, казалось, было построено исключительно для того, чтобы внушать посетителям чувство вины. Мрамор, красное дерево, бронза — всё кричало о деньгах тем особенным беззвучным криком, который слышат только те, у кого их нет. Харрисона провели в кабинет, где за столом, похожим на саркофаг, восседал сам Джозеф Блэквуд.

Это был человек, словно вытесанный из гранита и затем оштукатуренный ледяным презрением. Его седые брови напоминали двух замёрзших гусениц, а рот представлял собой тонкую линию, как будто прорезанную ножом в глине. Рядом с ним стоял чемодан — уже раскрытый и, очевидно, тщательно пересчитанный.

— Мистер Клей, — произнёс Блэквуд голосом, напоми-

навшим звук закрывающегося несгораемого шкафа. — Вы принесли мой чемодан. Полиция сообщила мне о вашем... поступке. — Он сделал паузу на слове «поступок» так, словно это было сомнительное ископаемое. — Я проверил содержимое. Всё на месте. Ни одного пропавшего цента.

Он замолчал. Молчание длилось. Каминный уголь тихо осыпался в золе. Харрисон переступил с ноги на ногу, ожидая, что сейчас, вот сейчас последует то самое продолжение — чек, предложение, хотя бы тёплое слово. Сержант в участке почти гарантировал это с уверенностью человека, изучившего человеческую природу.

Но Джозеф Блэквуд был, очевидно, изготовлен из иного материала, чем прочая человеческая природа. Он поднял глаза — холодные, как февральская лужа, — и добавил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.